

俄罗斯 短篇小说选读

Хрестоматия по русской литературе. Рассказы

刘永红 袁顺芝 编著

WUHAN UNIVERSITY PRESS

武汉大学出版社

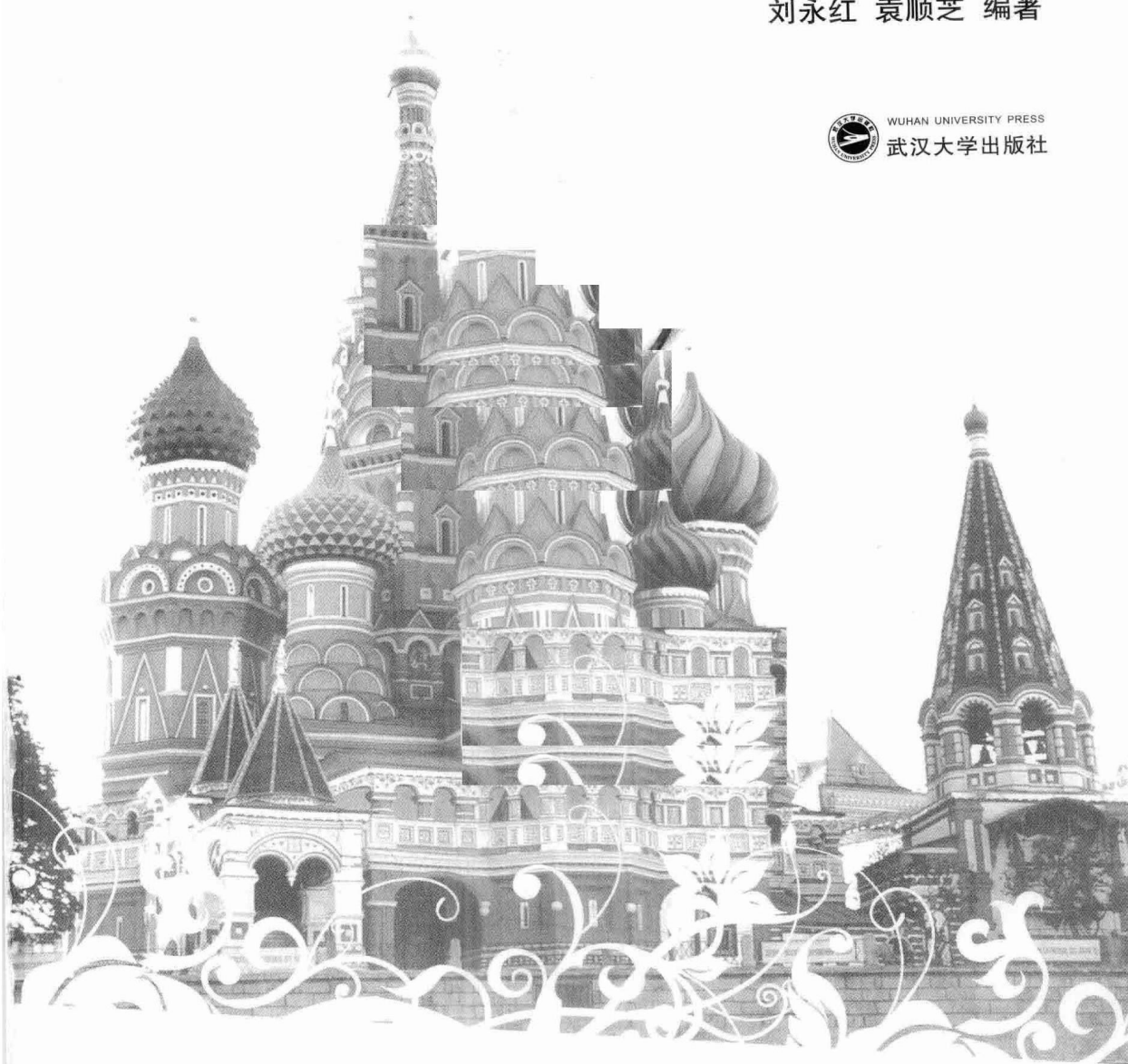
俄罗斯 短篇小说选读

Хрестоматия по русской литературе. Рассказы

刘永红 袁顺芝 编著

WUHAN UNIVERSITY PRESS
武汉大学出版社

图书在版编目(CIP)数据

俄罗斯短篇小说选读/刘永红,袁顺芝编著. —武汉:武汉大学出版社,2010.11

ISBN 978-7-307-07746-1

I. 俄… II. ①刘… ②袁… III. ①俄语—汉语—对照读物 ②短篇小说—作品集—俄罗斯 IV. H359.4:I

中国版本图书馆 CIP 数据核字(2010)第 079733 号

责任编辑:谢群英 郑文东

责任校对:黄添生

版式设计:马 佳

出版发行:武汉大学出版社 (430072 武昌 珞珈山)

(电子邮件: cbs22@whu.edu.cn 网址: www.wdp.com.cn)

印刷:通山金地印务有限公司

开本: 720 × 1000 1/16 印张: 44 字数: 788 千字 插页: 1

版次: 2010 年 11 月第 1 版 2010 年 11 月第 1 次印刷

ISBN 978-7-307-07746-1/H · 695 定价: 57.00 元

版权所有,不得翻印;凡购我社的图书,如有缺页、倒页、脱页等质量问题,请与当地图书销售部门联系调换。

前 言

短篇小说是文学作品中的精致品。它短小、精悍，以简洁的笔触，描绘丰富的人生。它情节单一，却以冰之一角而隐大海。它人物集中，却一叶见秋，审视广阔的世界万象。正因为如此，也极见作家的眼光和功力，也折射出一国文学之高度和风貌。

俄罗斯短篇小说以其深刻的内涵、犀利的视角和高超的技巧，在世界文学殿堂里璀璨夺目，享有盛誉。它们或讽刺，或批判，或同情，或高扬，都深刻地反映了俄罗斯的文化、俄罗斯人的心灵和迷人的俄罗斯大自然，展示了俄罗斯作家的真诚、高雅、深刻和满腔的爱国之心。它们或揭露，或针砭，或赞美，或颂扬，都朴素而淡雅，以严谨的结构，深入的观察，深情的笔墨，多层次地揭示俄罗斯人的性格，思考俄罗斯的命运。无论是行文、立意，还是概括、升华，都能够以循循的劝导，优美的语言，歌颂俄罗斯人的坚韧、质朴，关心俄罗斯底层，努力塑造俄罗斯灵魂，弘扬俄罗斯精神。它们也从一个侧面说明了俄罗斯文学之所以能够在短短的一两百年间跻身于世界一流文学之巅的原因和途径。

本教材选编了俄罗斯 11 位作家的 17 个短篇小说。这 11 位作家分别是：普希金、果戈理、屠格涅夫、列·托尔斯泰、契诃夫、高尔基、肖洛霍夫、阿·托尔斯泰、蒲宁、索尔仁尼琴、帕乌斯托夫斯基。这每一个名字都璀璨、耀眼，他们每一个人都是一个深邃的世界，值得我们去品味、去细读、去景仰。

这 17 篇短篇小说，既有对小人物的同情与关怀，也有对纯真爱情的思考与向往；既有对保守、自私者的鞭挞，更有对自尊、爱国、高尚人士的讴歌和敬仰。

这 17 篇短篇小说计划 68 学时，一个学期学完，也可根据教学实际自行安排。

本教材的结构由以下几个部分构成：1. Краткая биография автора；
2. Обзор произведения； 3. Обзор исследования； 4. Художественные

особенности; 5. Текст и перевод; 6. Пояснения; 7. Вопросы; 8. Задания。它们从不同角度分析了作品的价值、特点和重难点，有助于教学的组织和学生的自学。

本教材的突出之处，是每篇小说都有中文翻译。这既可供专业俄语学生做俄汉对照阅读，也可供俄汉两种语言的读者使用和赏析，更是俄汉翻译工作者进行翻译研究的第一手材料。

衷心感谢武汉大学出版社对本教材的扶持。

衷心感谢武汉大学出版社编辑的劳作，是她的信任、关心和悉心的指导保证了本教材的顺利出版。

衷心感谢审读专家郑文东教授耐心、细致的工作，是她辛勤的劳动保证了本教材的编写质量。

由于我们的水平有限，书中错误和不妥之处一定不少，敬请专家、读者批评指正。

谢谢！

编 者

2009 年劳动节

于桂子山上

СОДЕРЖАНИЕ

Станционный смотритель	А. С. Пушкин(1)
第一课 驿站长	(18)
Шинель	Н. В. Гоголь(31)
第二课 外套	(70)
Муму	И. С. Тургенев(96)
第三课 木木	(127)
После бала	Л. Н. Толстой(151)
第四课 舞会之后	(168)
Человек в футляре	А. П. Чехов(180)
第五课 套中人	(199)
Попрыгунья	А. П. Чехов(214)
第六课 跳来跳去的女人	(245)
Ванька	А. П. Чехов(269)
第七课 万卡	(278)
Хамелеон	А. П. Чехов(285)
第八课 变色龙	(294)
Смерть чиновника	А. П. Чехов(302)
第九课 公务员之死	(312)
Старуха Изергиль	М. Горький(320)
第十课 伊则吉尔老婆子	(345)
Челкаш	М. Горький(366)
第十一课 切尔卡什	(404)
Песня о Буревестнике	М. Горький(435)
第十二课 海燕之歌	(440)
Судьба человека	М. А. Шолохов(444)

第十三课 一个人的遭遇	(483)
Русский характер	А. Н. Толстой(514)
第十四课 俄罗斯性格	(527)
Господин из Сан-Франциско	И. А. Бунин(538)
第十五课 从旧金山来的先生	(567)
Матрёнин двор	А. И. Солженицын(589)
第十六课 玛特辽娜的家	(630)
Дождливый рассвет	К. Г. Паустовский(663)
第十七课 雨蒙蒙的黎明	(683)

Первый урок

Станционный смотритель

— А. С. Пушкин

1. Краткая биография

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837), великий национальный поэт-гений, прозаик, драматург, публицист, критик, основоположник новой русской литературы, создатель русского литературного языка, солнце русской поэзии.

Еще в детстве Пушкин познакомился с русской поэзией от Ломоносова до Жуковского, с комедиями Мольера, сочинениями Вольтера и других просветителей XVIII века.

В 1811 году Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей. Здесь Пушкин впервые почувствовал себя Поэтом, например, его стихи «Воспоминание в Царском лицее».

После окончания лицея в июне 1817 в чине коллежского секретаря Пушкин был определен на службу в Коллегию иностранных дел, где не работал и дня, всецело отдавшись творчеству. К этому периоду относятся стихотворения «Вольность» (1817), «К Чаадаеву» (1818), «Деревня» (1819).

Гоголь сказал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

« Повести Белкина » — это сборник из пяти повестей. « Станционный смотритель » — одна из этих повестей.

2. Обзор произведения

(1) Фоновые знания

В « Станционном смотрителе » автор знакомит нас с тяжелой, безрадостной жизнью простых людей, а именно — станционных смотрителей, во времена крепостного права. Пушкин обращает внимание читателя на то, что во внешне бестолковом и бесхитростном исполнении своих обязанностей этими людьми кроется нелегкий, часто неблагодарный труд, полный хлопот и забот. Что только не ставят в вину станционному смотрителю? « Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель... ». Мало кто из проезжающих принимает станционных смотрителей за людей, больше за « извергов рода человеческого », а ведь « сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые ». Мало кто из проезжающих интересуется жизнью станционных смотрителей, а ведь, как правило, у каждого из них — непростая судьба, в которой с избытком хватает слез, страданий и горя.

Автор-рассказчик сочувственно говорит о « сущих мучениках четырнадцатого класса », станционных смотрителях, обвиняемых путешественниками во всех грехах. На самом же деле, их жизнь — настоящая каторга: « Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. » « Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей ». В память одного из них написана эта повесть.

(2) Главное содержание

В 1816 г. пришлось автору путешествовать, и он оказался на одной из почтовых станций. Просторная комната была украшена картинками, изображавшими историю блудного сына, на окнах стояли цветы, за пестрой

занавеской — кровать, крутом чистота и порядок.

Сам хозяин, человек лет пятидесяти, свежий и бодрый, в сюртуке, с тремя медалями; его дочь-красавица умела поддержать разговор с проезжающими, на прощание она позволила себя поцеловать. Прошло несколько лет, и он снова оказался на той же станции, ему даже взгрустнулось о прошедших временах, живы ли Самсон Вырин и его дочь Дуня? Войдя в комнату, он видит того же смотрителя, « но как он постарел!.. » Автор не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика.

На вопрос проезжающего о Дуне старик промолчал, вероятно, она была уже замужем. Однако любопытство взяло верх, и путешественник решил угостить старика пуншем, чтобы узнать все подробности. « На стакане сделался он разговорчив... »

Три года назад, зимним вечером, приехал на станцию гусар, он поднял было на смотрителя нагайку из-за отсутствия лошадей, но, увидев Дуню, успокоился и заказал себе ужин. Подали лошадей, однако молодой человек занемог, остался на ночь, а на следующий день ему вызвали врача. Приехавший доктор объявил, что ротмистру Минскому необходим покой и через несколько дней он продолжит путешествие.

Через три дня гусар уехал, а с ним и Дуня, которую Вырин сам посадил в тройку Минского доехать до церкви. « Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом ». Бедный отец в поисках дочери добрался до С, тут он узнал адрес Минского и пошел к нему. Увидя смотрителя, ротмистр смутился, дал Вырину денег и выпроводил его за дверь, пообещав сделать Дуню счастливой; она уже успела отвыкнуть от прежней жизни. Позже смотритель узнал адрес дочери и поднялся к ней. Дуня при виде отца упала в обморок, а Минский вытолкнул Вырина в шею.

Расставшись со смотрителем, путешественник долго не может забыть его рассказ о дочери. Проезжая в третий раз через эти места, рассказчик узнал, что старый смотритель спился и умер. На его могилу рассказчика отвел местный мальчишка, сообщил, что летом сюда приезжала « прекрасная барыня » с тремя барчатами, на кладбище она пошла без провожатого, долго

лежала и плакала возле могилы смотрителя, а уезжая, щедро раздавала деньги.

(3) Главный герой

Кто такой станционный смотритель?

В начале 19 века в России не было еще железной дороги. На больших дорогах были почтовые станции, где проезжие меняли почтовых лошадей. На этих станциях и служили смотрители. Они обслуживали проезжих, меняли им лошадей.

Герой этого рассказа — станционный смотритель Самсон Вырин. Он бедный, бесправный человек, вдовец. Дочь Дуня — его единственная радость.

Проезжий молодой офицер Минский влюбился в Дуню. Он обманывает отца и увел Дуню в Петербург. Вырин уехал туда искать свою дочь, а офицер выгнал его на улицу. Вырин вернулся домой. Смотритель не мог перенести потерю дочери и скоро умер.

Жизнь Самсона Вырина ничем не отличалась от жизни таких же, как и он, станционных смотрителей, которые, чтобы иметь самое необходимое для содержания своей семьи, готовы были молча выслушивать и так же молча сносить бесконечные оскорбления и упреки в свой адрес. Правда, семья у Самсона Вырина была небольшой: он да красавица дочка. Жена Самсона умерла. Ради Дуни и жил Самсон. В четырнадцать лет Дуня была настоящей помощницей отцу: в доме прибрать, приготовить обед, прислужить проезжему, — на все она была мастерица, все у нее в руках спорилось. Глядя на Дунину красоту, добрее и милостивее становились даже те, кто грубое обращение со станционными смотрителями взял себе за правило.

В первое наше знакомство с Самсоном Выриным он выглядел «свежим и бодрым». Несмотря на нелегкую работу и зачастую грубое и несправедливое обращение с ним проезжающих, он все неозлобленный и общительный.

Однако как может изменить человека горе! Всего через несколько лет автор, встретившись с Самсоном, увидел перед собой старца, неухоженного, склонного к пьянству, тускло прозябающего в заброшенном, неубранном своем жилище.

Его Дуня, его надежда, та, что давала силы жить, уехала с малознакомым гусаром. Причем не с отцовского благословения, как это принято у честных людей, а тайком. Самсону было страшно подумать, что его милое дитя, его Дуня, которую он как мог оберегал от всяких опасностей, так поступила с ним и, главное, с собой — стала не женой, а любовницей.

Пушкин сочувствует своему герою и относится к нему с уважением: честь для Самсона превыше всего, превыше богатства и денег. Не один раз судьба была этого человека, но ничто не заставило его так опуститься, так перестать любить жизнь, как поступок горячо любимой дочери.

3. Обзор исследований

« Станционный смотритель » много исследовали. Например, « Образ Самсона Вырина », « Кто виноват в трагической судьбе Самсона Вырина », « Драматизм судьбы Дуни Выриной », « Изображение маленького человека в повести А. С. Пушкина « Станционный смотритель »» и другие.

4. Художественные особенности

Повесть « Станционный смотритель » открыла новую тему в русской литературе. Это тема маленького человека (« маленького » по своему общественному положению, т. е. бедного, бесправного, беззащитного). Эту тему продолжили Гоголь и его « Шинель », Достоевский и его « Бедные люди », Чехов и его « Смерть чиновника ».

На стене в доме Самсона Вырина висели картинки с изображением истории блудного сына. Дочь смотрителя повторила поступок героя библейской легенды. И как и отец блудного сына, изображенного на картинках, станционный смотритель ждал свою дочь, готовый к прощению. Но Дуня не возвращалась. А отец не находил себе места от отчаяния, зная, чем зачастую заканчиваются подобные истории: « Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу, вместе с голью кабацкою ».

В образе этого человека Пушкин показал безрадостную, наполненную бедами и унижениями жизнь простых людей, самоотверженных тружеников, которых норовит обидеть каждый прохожий и проезжий. А ведь зачастую такие простые люди, как станционный смотритель Самсон Вырин, — пример честности и высоких моральных устоев.

5. Текст

Станционный смотритель

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.

Князь Вяземский.

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или по крайней мере муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Суший мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шуточно князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода нестерпимая, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает

генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через * * * скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слути с кого бы начинали

кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции * * * стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю.

— Эй, Дуня! — закричал смотритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила.

— Это твоя дочка? — спросил я смотрителя. — Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать.

Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шлафорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Все это доньше сохранилось в моей памяти, также как и горшки с бальзаминои, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые

глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне все не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь, но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в моем уме, и я приближался к станции * * * с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и все крутом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирався он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сторбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика.

— Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые.

— Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало.

— Здорова ли твоя Дуня? — продолжал я.

— Старик нахмурился. А бог ее знает, — отвечал он.

— Так, видно, она замужем? — сказал я.

Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел

поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

— Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать.

Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе.

Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиновывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнѣв проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдернув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усами. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашел он